

**РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ
КРАШЕНИННИКОВА АЛЕКСЕЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА
«КОГНИТИВНАЯ УРБАНИСТИКА:
АРХЕТИПЫ И ПРОТОТИПЫ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ»**

DOI: 10.24412/1998-4839-2021-1-15-20

Хотя WORD до сих пор подчёркивает слово «урбанистика», не заключённое в кавычки, красным, как ошибку, а дискуссия о праве на жизнь и о содержании этого понятия на фоне традиционного «градостроительства» продолжается, профессия и учёный мир, да и публика в целом к нему уже притерпелись. Тем временем, становление урбанистики как самостоятельной дисциплины продолжается, о чём свидетельствует, в частности, рождение новых её версий с соответствующими производными наименованиями. «Когнитивная урбанистика» – одно из них. Вслед за серией статей, содержащих это интригующее словосочетание в текстах и в ключевых словах, в прошлом году появилась на свет научная монография с тем же названием¹. Труд, скажем сразу, стоящий чтения и осмысления. Мы видим свою задачу, во-первых, в том, чтобы привлечь к нему внимание уважаемых коллег. И тех, кто именуется себя урбанистами, и традиционных градостроителей, и архитекторов, – в силу особенностей рецензируемой работы, преодолевающей естественный разрыв между сферами ответственности «градо» и архитектуры. Во-вторых, хочется поделиться своими соображениями о её неоспоримых достоинствах и о некоторых небесспорных положениях и утверждениях, как неотъемлемых и необходимых составляющих всякого серьёзного научного труда.

В чём состоит глубинный смысл, пафос работы, не дробимый на отдельные главы и формулировки текста, хотя присутствующий повсюду? – Это оппонирование административно-нормативному, функционально-технологическому градостроительству советского и вообще модернистского типа. Гуманизация градостроительства, возвращение человека, малой группы, местного сообщества, межличностного взаимодействия, территориального поведения в число факторов градоформирования и составляет, так сказать, миссию данной работы. А разработка теории и метода этого «камбэка» есть научное содержание монографии. Посмотрим, как это всё сделано.

В первой главе – «Городская среда» – автор декларирует амбициозное намерение разработки единой теории формирования городской среды, позиционирует работу по отношению к дореформенному градостроительству, излагает принципиальную методологию исследования, раскрывает его ключевые понятия. «Когнитивный подход к урбанистике» объясняется как формирование городской среды на основе восприятия, поведения, узнавания и запоминания людьми (с. 10–11). Основной задачей когнитивной урбанистики видится «интеграция наработок в различных областях, исследующих взаимосвязь поведения людей и структуры мест деятельности». Саму урбанистику автор трактует как «часть градостроительной деятельности, направленной на выработку консенсуса между владельцами и пользователями» (с. 13)². Город описывается как городское, архитектурное, физическое и социальное, географическое пространство, его

¹ См., напр.: Крашенинников А.В. Микро-пространства городской среды // *Architecture and Modern Information Technologies*. - 2014. - №14(29); Крашенинников А.В. Мезо-пространства городской среды // *Architecture and Modern Information Technologies*. - 2015. - № 4(33); Макро-пространства городской среды // *Architecture and Modern Information Technologies*. - 2016. - № 3(36); Крашенинников А.В., Николаев Е.Д. Перспективные модели публичных пространств городской среды // *АСР*. - 2019. - №1; Крашенинников А.В. Трансформация городского пространства в моделях градостроительного развития // *Наука, образование и экспериментальное проектирование: тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов*. - Москва, 2019; Крашенинников А.В. Индикативная оценка качества городской среды // *Наука, образование и экспериментальное проектирование: тезисы докладов международной научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, молодых ученых и студентов*. - Москва, 2019.

² Далее в тексте монографии встречаются и другие, более инклюзивные определения.

элементарными порциями выступают «средовые комплексы» – «условно выделенные участки территории, в которых локализуются определённые сценарии социальной жизни». Именно они и считаются объектами исследования и проектного моделирования когнитивной урбанистики.

По мысли автора, средовые комплексы как пространства существуют в двух формах – «место» и «путь» и обуславливают социальную жизнь своей локализацией, границами, задаваемыми дистанциями и структурой связей. Устойчивые формы таких социально-пространственных единств, переживаемые и постигаемые людьми, закрепляются в их сознании как символические «мыслительные конструкции», как «архетипы». А выявленные и осмысленные архитектором, предъявленные в виде «обобщённых схем физических пространств» архетипы предстают «прототипами» формирования городской среды. Движение от архетипов к прототипам или паттернам средовых комплексов и далее к моделям конкретной городской среды и есть методология когнитивной урбанистики.

Глава вторая – «Параметры и свойства средовых комплексов» – задаёт и исследует качественные и количественные характеристики социально-пространственных единиц городской среды. Автор показывает, что отказ от традиционных модернистских оснований формирования города вроде функциональных зон и процессов, транспортной организации и нормативов общественных услуг в пользу городской среды, как поля человеческого поведения и социального взаимодействия, отнюдь не лишает градостроителя надежды на понятные и операциональные процедуры. В описании средовых комплексов – мест социальной активности – автор вновь прибегает к уже знакомым читателю по первой главе концептам «локализация», «дистанция», «границы» и «структура связей», характеризуя каждый с позиций социального, пространственного содержания и связей между ними. Ключевую роль в осмыслении структуры и построении авторской теории городской среды исполняет, как нам представляется, концепция «дистанции», позволяющая распознать в пространствах города три уровня организации – межличностного «персонального общения», группового «социального контроля» и «пешеходной связанности» местных территориальных сообществ.

В стремлении задать количественные диапазоны и пределы средовых комплексов в человеческом и пространственном аспектах автор вводит их исчисляемые параметры: «людность» (количество горожан, потенциальных участников социального взаимодействия); «дистанция и время». Делая уступку давней модернистской традиции (наверное, единственный реверанс модернизму на страницах монографии) к построению всеобъемлющих «систем» поселений, заложенную ещё знаменитой «решёткой» К. Доксиадиса, автор строит две «сквозных шкалы» – численности людей и социально-значимых дистанций. Они охватывают уровни от индивида до агломерации и масштабы от сантиметров до километров. Поскольку академические дисциплины (социология, психология, антропология) отказываются от построения подобных идеальных, всеобъемлющих моделей и относятся к ним с недоверием, автору пришлось в поисках союзников обращаться к соционике. Отсылка к связи двух шкал – пространств и соционов, видимо, призвана доказать архетипичность авторских построений, их укоренённость в сознании и познании горожан и, таким образом, подтвердить «когнитивность» выдвигаемой урбанистической теории.

В следующих трёх главах рассматриваются прототипы, или паттерны средовых комплексов разного градостроительного уровня.

Глава третья – «Средовое поведение и персональное пространство» – посвящена наименьшей порции городской среды, названной «микространством», где социальным «клеем», объединяющим людей, выступает персональное общение, а законы его физического обустройства задают параметры пространственной организации. Отдавая очередную дань когнитивистской риторике, автор прибегает к концепции «информационного метаболизма», уровни которого демонстрируют «людность» и

«подвижность». Их сочетание характеризует наблюдаемые извне, диагностируемые особенности поведения. По двум соответствующим осям строится двумерная матрица – «диаграмма средового поведения». Поле матрицы делится, нет, не на четыре, а на девять ячеек (3×3). Каждая ячейка – это определённый вариант комбинации людности и подвижности, называемый «когнитивным состоянием» или «типом средового поведения». Каждой ячейке приведён в соответствие свой средовой прототип. Так получен арсенал базовых средовых моделей для формирования города на микроуровне. Он включает паттерны «ниша», «стенка», «тропа», «беседка», «точка», «дорога», «площадка», «форум», «узел». Автор предлагает считать, что все эти модели существуют в сознании горожан как архетипы, а в мире физической реальности – как средовые комплексы.

В четвёртой главе – «Мезопространства городской среды» – рассматриваются «средовые комплексы, ограниченные условиями социального контроля» (с. 83). Раскрывается авторское понимание социального контроля как возможности для субъекта контроля видеть и достигать контролируемое пространство за счёт правильной ориентации, дистанции, отсутствия на пути физических преград. В зависимости от того, выступает ли субъектом контроля индивид или социальное сообщество, контроль может быть «персональным» и «публичным», а по стабильности осуществления – «постоянным» или «временным». На пересечении данных пар понятий строится вторая матрица – «диаграмма социального контроля». Исследуются её связи с диаграммой средового поведения. Строятся базовые модели мезопространств городской среды – «двор», «переулок», «сквер», «улица», а на основе их наблюдаемых в реальном городе сочетаний – производные мезопространства. Автор упоминает о ста семи участках городской среды в России и ряде зарубежных стран (с. 90), исследование которых позволило утвердиться в межкультурном значении и универсальности базовых и производных моделей мезопространств.

«Макропространства городской среды» исследованы в пятой главе. Этот уровень представляет собой «пешеходный ареал с выраженным условием территориальной идентичности» (с. 101). Смысловой каркас анализа и моделирования макропространств образован пересечением двух осей: «пешеходной доступности» и «социальной связанности». Первый параметр измеряется дистанциями и временем перемещения, а второй – «количеством людей, находящихся на расстоянии возможного участия в общей социальной практике» (с. 105). Три базовых модели макропространств названы «анклавом» (вычленяется границами), «районом» (концентрируется вокруг некоего ядра) и «округом» (удерживается группой опорных точек). Построены производные модели макропространств. Рассмотрены градостроительные средства повышения идентичности анклавов, районов и округов.

Микро-, мезо- и макропространства формируют городскую ткань. Меньшие последовательно встраиваются в большие, складываясь в некое подобие матрёшки; автор предпочитает фрактальную аналогию. Открытым до сих пор оставался вопрос о сплачивании, интеграции макропространств. В шестой главе – «Моделирование публичных пространств» – автор даёт на него свой ответ. Средовым каркасом, стягивающим город, являются публичные пространства. Функционально детерминируемые общественные центры модернизма не учитывают «свойственные людям потребности в социальной плотности и пространственной сложности окружения», необходимо включить «в технологию проектирования разнообразие тем и сценариев публичной и приватной жизни», считает автор (с. 123).

Преодолевая ограниченность функционалистского видения, автор раскрывает тему «сценарного подхода» к формированию публичных узлов, рассуждает о прогнозировании основных показателей средового поведения (людности и пешеходного движения), о последовательности сборки города из «средового конструктора» на основе трёх базовых моделей средовых комплексов и роли в этом действе общественных пространств, об этапах формирования города как среды – анализа и прогнозирования, программирования и моделирования, компоновки и сборки. Когнитивной урбанистике не обойтись без

регламентов. Автор декларирует необходимость «локальных градостроительных рекомендаций» (схем пешеходных пространств, габаритных схем кварталов, схем комплексной оценки качества среды в градопроектах).

Седьмая глава – «Градостроительство и урбанистика» – замыкает кольцо повествования, вновь возвращая читателя к базовому концепту «урбанистика». Она, в отличие от градостроительства, по мысли автора, «переносит центр внимания на общество, политику, городскую среду», интерпретирует пространство «через социальные коммуникации и конфликты между людьми», а проекты основывает «на организационном взаимодействии населения, предпринимателей, административных структур и политических требований» (с. 151). Урбанистика рассмотрена как сегментированная система знаний и деятельности, водоразделы внутри которой проходят между сферами с разным пониманием среды: экологическим, инженерно-инфраструктурным, социальным, культурным, художественным. Методология урбанистической деятельности построена на интеракции жителей, застройщиков, власти и достижении между ними соглашений. Урбанистика охватывает все уровни пространственной организации жизни, начиная с *микро-пространств*, ей не свойственно ограничиваться крупными территориальными объектами города, как это делает градостроительство.

Два раздела седьмой главы имеют самостоятельное значение и могли бы стать отдельными главами. Один из них автор называет «Очевидные ограничения моделей и оптимизация прототипов» (с. 171). Здесь он анализирует полученные результаты и делает важное признание о вынужденном схематизме, идеализированном, унифицированном характере выдвигаемых «когнитивных моделей городской среды». О необходимости в ходе дальнейшей работы их конкретизации для разных обитателей, нетипичных и конкретных средовых ситуаций. О неизбежной трансформации моделей с учётом субъективности переживания людьми времени и пространства, фактора спонтанности в поведении людей, тенденций развития культуры. Другой, вполне независимый раздел посвящён профессиональному градостроительному образованию. С учётом специфики урбанистического видения автора, с одной стороны, и действующего ФГОС с другой, разработаны модели принципиальной организации образования – по уровням и типам градостроительной практики с раскрытием соответствующих компетентностных требований.

Заключению отведена роль последнего изложения аргументов в пользу когнитивных дисциплин вообще и когнитивной интерпретации урбанистики в частности. Читателя предостерегают от подмены архетипов прототипами, кратко намечаются пути дальнейших исследований. Завершает текст «тезаурус авторских определений» и два библиографических списка – основной и дополнительный.

Наши отдельные, более или менее субъективные несогласия с автором, некоторыми элементами выдвигаемой им теории сводятся к следующим четырём положениям.

Первое, мы не видим ни одной причины называть данную версию урбанистики «когнитивной» и, напротив, все основания полагать самым подходящим для неё наименованием «поведенческая урбанистика». Справедливо и неоднократно подчёркивая, что всё когнитивное обращено к познанию, автор сам изучением познания горожанами городской среды, механизмами и процессами когниции (восприятие, распознавание, запоминание, декодирование информации и т.п.) не занимается, что вполне понятно. Архитектор и градостроитель для выполнения такой работы обычно не имеют никаких, как сейчас принято говорить, компетенций. Нам известен только один случай (возможно, есть и другие), когда архитектор ухитрился проникнуть в процессы *познания*, выдвинув собственный метод взломать «чёрный ящик» *со-знания* горожан и обратив это в градостроительную теорию, *знание*. Речь идёт о Кевине Линче с его уникальными *ментальными картами*, не случайна его оглушительная слава и повсеместная известность.

Сейчас время невероятной моды на всё когнитивное, но в арсенале таких, не упоминаемых автором, поведенческих наук, как «средовая психология» (*environmental psychology*) или «поведенческо-средовые исследования» (*environment-behavior studies*), в более близкой к архитектуре и градостроительству дисциплине «исследования средового проектирования» (*environmental design research*) есть абсолютно всё необходимое для построения и обоснования авторской теории урбанистики с довольно ясных поведенческих позиций, не углубляясь в бездонные глубины когнитивистики и не обращаясь к смутной психоаналитической концепции «архетип». В конце концов, когнитивный способ взаимодействия человека и среды рассматривается средовой психологией наряду с поведенческим. Изучение наблюдаемого поведения, выявление его устойчивых культурных форм нам представляется вполне достаточным основанием для социально-пространственных выводов. Кристоферу Александру этого для построения «языка образов» хватило.

Второе, есть определённая непоследовательность в том, что центральной фигурой в формировании микро-, мезо- и макро-пространств признаётся конечный обитатель (это, ведь, он персонально общается, социально контролирует и пешеходно связан), а среди ключевых «заинтересованных участников» градостроительного места ему не досталось. Там, в полном согласии с либеральной установкой градостроительного регулирования, фигурируют застройщик, проектировщик, строитель и город. «Житель» отнесён к «остальным действующим лицам» (с. 158). То есть, не воплоти просвещённый когнитивный урбанист интересы обитателя в модели средовых комплексов, у обитателя нет шансов как-то укорениться в городской среде.

Третье, опирающиеся на соционику показатели, вроде «расчётного количества людей» во дворе, на улице, «комфортные параметры площади на одного человека» и другие подобные конструкции выглядят, на наш взгляд, достаточно архаичными. Да и что потеряла бы работа, не будь их совсем? На наш взгляд, ничего.

Четвёртое. В монографии встречаются некоторые понятийно-терминологические неточности. Автор использует концепцию «людности» как показатель количества человек в пределах определённых средовых комплексов, то есть, как синоним плотности. Между тем, английское *crowding* – это субъективное переживание плотности, а не исчисляемая величина. «Персональное пространство», как наблюдаемая поведенческая конструкция, не может входить как самый мелкий элемент в «ментальные карты» – когнитивную структуру (с. 35). Английское *built environment* не переводится как «городская среда» – это важная смысловая оппозиция природной или естественной среде (*natural environment*).

Что в итоге? – Как ни называй выдвигаемую автором теорию и рецензируемую монографию – когнитивная или поведенческая урбанистика – это достаточно целостная и методологически стройная конструкция, заслуживающая интеллектуальных и временных затрат потенциального читателя. Учёный найдёт в ней удачный пример репрезентации результатов большого исследования и матрицу для анализа и предпроектного моделирования города в рамках средового видения. Педагог может воспользоваться этой же матрицей для упорядочения изложения материала о городской среде, выстраивания учебного процесса, организации учебного плана специальности. А практик получит паттерны для сборки «городского конструктора» и, возможно, захочет стать учёным или педагогом. Несколько перефразируя известный приём маркетологов по рекламе компьютерных игр, скажем так: ни в коем случае не читайте эту монографию – вы рискуете к ней пристраститься.

Доктор архитектуры,
профессор кафедры «История архитектуры и градостроительства»
Московского архитектурного института (МАРХИ),
с.н.с. «Научно-исследовательского института истории и теории
архитектуры и градостроительства» (НИИТИАГ)

К.В. Кияненко



Библиографические данные:

Автор: Крашенинников Алексей Валентинович.

Название: Когнитивная урбанистика: архетипы и прототипы городской среды : монография / А. В. Крашенинников. – М. : Курс, 2020. – 210 с. : ил. – (Наука). – РФФИ. – Библиогр.: с. 195–207. – ISBN 978-5-907228-53-5.
ББК 85.118

Ключевые слова: градостроительство; архитектура; архитектурное пространство; городская среда; урбанистика; когнитивная урбанистика; мезопространства; макрпространства; планировка; проектирование; монография

Аннотация: Когнитивная урбанистика – это система научных знаний, которая интегрирует идеи из различных дисциплин, таких как социология, психология, география, культурология для использования в архитектуре, градостроительстве, дизайне.

При помощи когнитивных моделей мы получаем инструмент анализа и моделирования городской среды. Искомое качество городской среды складывается из структурной дифференциации территории на средовые комплексы, названные: микро-, мезо-, макро-пространства. Социальные параметры места такие как людность, оживленность, связанность рассматриваются в отношении к расстояниям, проницаемости границ, направлениями кластеризации. Социальные и пространственные параметры участков территории общего пользования определяют такие качественные характеристики городской среды как психологический комфорт, социальную интеграцию, культурную идентификацию. Системная методология иллюстрирована примерами из современной градостроительной практики. Социально-функциональный анализ территории общего пользования важен прежде всего для понимания морфологии обитаемого пространства, а в проектировании дополняет композиционный метод архитектора.

Ряд основных положений когнитивной урбанистики были разработаны в МАРХИ и опубликованы в электронном журнале «Architecture and Modern Information Technologies» («AMIT») за 2012–2019 гг. (<http://marhi.ru/AMIT>).